

Кто такие интеллектуалы?

© Н.Н. Губанов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, 125167, Россия

Подробно разобраны повседневные представления о том, кто такие интеллектуалы, и показана их малая пригодность для научного применения. Отмечено, что привнесенные обыденные понимания несут в себе некоторые адекватные положения, которые могут быть использованы для научной экспликации интеллектуалов как специфической социальной группы. Критическому анализу подвергнуто определение интеллектуалов, данное известным исследователем интеллектуальной истории Р. Коллинзом, выявлены его недостатки и указана перспектива, в которой оно может быть в дальнейшем развито и конкретизировано. Опираясь на разработанную в своих предыдущих публикациях процедурную концепцию рациональности, автор статьи дает собственную дефиницию интеллектуалов как людей, участвующих в систематическом производстве нового рационального знания. Идентифицированы основные системные социологические и культурологические характеристики интеллектуальных сообществ как особого рода коллективных единств. Обоснована оригинальная гипотеза о фрактальной природе процесса получения нового рационального знания. Приведены исторические примеры интеллектуальных сообществ из различных сфер человеческой деятельности.

Ключевые слова: интеллектуалы, интеллектуальные сообщества, рациональное знание, процедурная концепция рациональности, широко понимаемый принцип достаточного основания

Наверное, у многих людей, занятых так называемым интеллектуальным (умственным) трудом, вызовет определенный интерес такое относительно новое исследовательское направление, как интеллектуальная история. Изучая историю его развития в России, Г.И. Зверева пишет: «Институциональное становление интеллектуальной истории в России на рубеже 1990-х и 2000-х годов связано с организацией нескольких научных и научно-образовательных центров, которые в короткое время сумели создать или аккумулировать вокруг себя профессиональные сообщества и группы, развить систему специализированных журналов и коммуникаций, вывести научно-исследовательскую работу в университетскую среду... в настоящее время интеллектуальная история в России уже уверенно заявляет о себе как междисциплинарная область гуманитарных исследований, набор образовательных программ и учебных дисциплин» [1, с. 290].

Разделяя искреннюю заинтересованность в развитии данного исследовательского направления, хотелось бы, тем не менее, проблематизировать самое его концептуальное ядро. А кто, собственно,

является субъектом интеллектуальной истории? Интеллектуалы? Это слово очень часто используется, причем без всяких дефиниций, как само собой разумеющееся, но кого конкретно оно обозначает? Какова более-менее четкая социально-философская характеристика этого коллективного единства? Каковы критерии того, что индивида можно причислить к интеллектуалам? Используя терминологию П.А. Соколова, можно задать вопросы: является ли группировка интеллектуалов реальной или мнимой? Если реальной, то элементарная она или кумулятивная? Если элементарная, то какая именно? Если кумулятивная, то из кумуляции каких элементарных групп она состоит?

Центр интеллектуальной истории в Институте всеобщей истории РАН был создан в 1998 г., а в 1999 г. на его базе начал выходить специализированный журнал «Диалог со временем». Главный редактор журнала Л.П. Репина дала ему такую характеристику: «В центре внимания журнала находятся междисциплинарные исследования творческой деятельности и интеллектуальных процессов в сфере истории мысли, гуманитарного, социального и естественнонаучного знания, всех аспектов творческой деятельности на базе интеграции истории идей, социально-интеллектуальной истории и микроаналитических подходов “новой культурно-интеллектуальной истории”» [2, с. 11]. К сожалению, ни из данной характеристики, ни из других статей, опубликованных в указанном журнале, нельзя получить ясного и развернутого представления о том, кто такие интеллектуалы и что конкретно является предметом интеллектуальной истории. Отмечая значительные прикладные достижения изучения интеллектуальной истории в России, следует констатировать один большой теоретический изъян: у уважаемых коллег в результате их исследований получилась «интеллектуальная история без интеллектуалов», ибо отсутствует хоть сколько-нибудь определенная и обоснованная концепция интеллектуальной деятельности.

Можно изучить, что пишут по этому вопросу иностранные авторитетные специалисты в области интеллектуальной истории. В свое время большое влияние на автора настоящей статьи оказало знакомство с фундаментальным трудом Рэндалла Коллинза «Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения». В работе дано такое остроумное и в целом правильное определение: «Интеллектуалы — это люди, которые производят деконтекстуализированные идеи. Предполагается, что эти идеи верны или значительны вне каких-либо местных условий, какой-либо локальности и вне зависимости от того, применит ли их кто-либо на практике. Математическая формула претендует на то, чтобы быть верной в себе и сама по себе, вне зависимости от того, используется она или нет и доверяет ли ей кто-либо или нет. Литературная или историческая

работа претендует на такой же статус, поскольку она понимается как искусство или ученость: часть царства, более высокого, более достоверного, менее ограниченного конкретными возможностями человеческих действий, чем обычные виды мыслей и вещей» [3, с. 65]. В данном определении, по мнению автора настоящей статьи, выражено важное предположение относительно обсуждаемого вопроса о социально-философском статусе такого коллективного единства, как интеллектуалы. Правда, вырванная из контекста всей впечатляющей работы Коллинза, эта дефиниция также вызывает немало вопросов. Например, что означает фраза «деконтекстуализированные идеи»? А бывают ли вообще деконтекстуализированные на все 100 % идеи? Коллинз приводит пример математической формулы, но, строго говоря, математические соотношения также привязаны к определенным контекстам, например, описание геометрических законов с помощью евклидовой и неевклидовых геометрий, различные формулы для выражения какой-либо величины в классической ньютоновской физике и в теории относительности или квантовой механике.

Аристотель называл открытый им закон противоречия «самым достоверным из всех начал, свободным от всякой предположительности» [4, с. 160]. Однако он уже выражал некоторое сомнение в универсальности другого открытого им закона — закона исключенного третьего. В XX в. этот закон подвергся жесткой критике со стороны голландского математика Л. Брауэра, который считал, что логические законы не являются абсолютными истинами, а зависят от того, к чему они прилагаются. Сейчас существуют логические (например, интуиционистская логика) и математические (например, конструктивная математика) системы, в которых закон исключенного третьего не принимается. Современная наука смогла построить такие нетривиальные логические системы, в которых не соблюдается «самый достоверный из всех начал» — закон противоречия, например, многозначная логика Яна Лукасевича или Стивена Клини [4, с. 160]. Конечно, ученые до сих пор спорят, что именно утверждают такие «искусственные» системы (если вообще утверждают что-либо) о мире или принципах человеческого мышления, но это уже иная проблема. Раз полностью деконтекстуализированных идей, скорее всего, не существует, то возникает другой вопрос: насколько обширным, всеохватывающим, подтвержденным должен быть контекст, чтобы значимость в его пределах делала идею «интеллектуальной» и отличала бы ее от «обычных мыслей»? Чем это определяется и как достигается? Пока не ясно. Следовательно, как рассматриваемое определение Коллинза, так и в целом его подход к выделению интеллектуалов в качестве особого социального единства нуждаются в уточнении и развитии.

Недостаточность обыденных представлений. При наблюдаемом высоком интересе к интеллектуальной истории и накопившихся обширных сведениях в этой области требуется эксплицитная и развернутая концепция интеллектуальной деятельности. Неясность, расплывчатость, аморфность повседневных представлений о ее субъектах начинает препятствовать дальнейшему теоретическому развитию данного исследовательского направления, ибо непонятно, на базе каких критериев люди включаются в число интеллектуалов. Разберем основные значения, обычно приписываемые термину «интеллектуалы» в обыденной жизни.

1. Под термином «интеллектуалы» могут подразумевать определенные профессиональные группы и давать список таких профессий, оканчивая его неизменным «...и т. д.». Вслед за Сорокиным будем называть профессией «обычное длящееся занятие индивида, дающее ему средства к существованию» [5, с. 182]. Чаще всего интеллектуалами считают научных сотрудников, преподавателей, учителей, писателей, поэтов, сценаристов, драматургов. Иногда также сюда относят журналистов (в том числе литературных и кинокритиков, политических обозревателей, телеведущих), инженеров, юристов, священнослужителей. Другие сторонники формирования группы интеллектуалов по профессиональному признаку могут дать иные списки.

Во-первых, неясен критерий включения профессии в этот список. Например, медработники, музыканты (певцы, композиторы, дирижеры и т. д.), художники, артисты, госслужащие (депутаты, судьи, прокуроры, сотрудники администраций, министерств и ведомств и т. д.), предприниматели (бизнесмены) являются интеллектуалами? Во-вторых, неясно, все ли представители перечисленных профессиональных групп — интеллектуалы в полном смысле этого слова. Например, каждый ли инженер, журналист, юрист, священник является интеллектуалом? В-третьих, по профессии (в указанном смысле) человек может быть, например, стекольщиком, как Спиноза, или может быть на пенсии, жить за счет каких-либо пособий (как Ницше после ухода из преподавания), но это не мешает относить таких людей к интеллектуалам. А кем был по профессии Диоген Синопский?

В результате получаем, что чисто профессиональный признак в качестве основания выделения группы интеллектуалов является слишком дробным и частным. Профессиональных групп великое множество, их архисложно классифицировать, человек может иметь несколько профессий или не иметь вообще. Выделяя интеллектуалов по профессиональной принадлежности, неизбежно будем получать смешение разнородных профессий, которое в чем-то неполно (обнаружатся новые профессии, представителей которых можно назвать интеллектуалами), а в чем-то избыточной (будут находиться такие

представители перечисленных профессий, которых проблематично назвать интеллектуалами). Принципиально не спасет ситуацию попытка сгруппировать профессии на творческие или интеллектуальные, объявив какую-то из этих групп (или их обе в сумме) интеллектуалами. Раскрывая творческие и интеллектуальные профессии, вернемся к тому же самому смешению музыкантов, инженеров, врачей, депутатов и т. д. Возникнут проблемы с отнесением некоторых профессий к таким группам. Военнослужащие — это творческая, интеллектуальная или какая профессия? Рядовой, подметающий плац, даже если он это делает крайне творчески, подпевая и приплясывая, вряд ли занят творческой или интеллектуальной работой, а вот генерал, планирующий и далее организующий военную операцию, скорее всего, занят и творческой, и интеллектуальной работой.

Последняя попытка спасти профессиональный подход — выделить в каждой профессиональной группе, или только в каких-то из них, некие элитарные подгруппы, например, управленцев, теоретиков, вдохновителей, назвав эти подгруппы интеллектуалами. Например, в группе священнослужителей отделить пророков от пономарей, в группе военнослужащих — полководцев от рядовых, в группе гражданских госслужащих — депутатов и сенаторов от курьеров и секретарей, в группе музыкантов — композиторов и поэтов-песенников от барабанщиков и ложкарей местечковых ансамблей и т. д. Далее из полученных групповых элит сложить общую группу интеллектуалов. Такой подход более перспективен в силу того, что позволяет не целиком включать профессиональную группу в состав интеллектуалов, а выборочно, некую малочисленную элитарную ее часть. Доля истины здесь есть. Однако опять неясно, какие именно профессиональные группы рассматривать. Очевидно, что не нужно выделять элиты в группе дворников или сторожей. Правда, не со всеми профессиями это так однозначно. После решения вопроса с профессиональными группами, подлежащими рассмотрению, появится новая проблема. Отдельная профессиональная группа индивидуальна, обладает собственной системой отношений между своими членами. На основе чего и как в каждом конкретном случае выделять элиты? Таким образом, в данном подходе на межпрофессиональное смешение наложится смешение внутривидовое, и в итоге получится смешение в квадрате. Итак, начинать с выделения профессий — слишком сложный путь для идентификации социальной группы интеллектуалов.

2. Термином «интеллектуалы» могут обобщенно называть людей, занимающихся, не важно, профессионально или нет, так называемым умственным трудом в противоположность физическому (или духовным/культурным производством в противоположность материальному). В начале статьи было отмечено такое обыденное понимание. Его

главный недостаток состоит в условности границ между умственным и физическим трудом, особенно размывающихся в условиях современных технологий. Сейчас практически во всех видах деятельности активно используются технические, в частности информационные, средства. Например, курьер ориентируется по навигатору смартфона, в нем же он ведет учет доставленных заказов. Существует огромное количество видов деятельности, которые однозначно сразу не отнесешь к физическим или умственным: контролер общественного транспорта, постовой полицейский, занятые в сфере услуг (продавцы, консультанты, парикмахеры и т. д.). Кроме того, блогеры, люди, проводящие различные виды обучения, например, по технике безопасности, обучающие пользоваться новой техникой, ведущие различных курсов (по маникюру, массажу, эффективным продажам, личностному росту, финансовой грамотности), лайф-коучи, бьюти-коучи и пр. — все эти люди точно не заняты физическим трудом, однако их всех проблематично назвать интеллектуалами, более того, последних из перечисленных часто вообще подозревают в откровенном мошенничестве, а интернет-среда для них придумала уничижительное наименование «инфоцыгане».

Термину также приписываются значения вида: «интеллектуалы — это деятели духовной культуры» или «люди, участвующие в духовном (культурном) производстве». Р. Коллинз охарактеризовал интеллектуалов как людей, «которые транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру» [3, с. 33]. Такое понимание в целом является правильным, но слишком абстрактным. Если предыдущий критерий — профессиональной принадлежности — является слишком дробным и частным, то этот критерий — умственной, духовной, культурной деятельности — слишком широким. Такие фундаментальные оппозиции как «духовное — материальное», «природное — культурное» являются всеобъемлющими, каждая их противоположность прочно встроена в общую конструкцию, обе они тесно переплетены в любой деятельности человека. Поскольку каждый с рождения пользуется достижениями культуры и каждый думает, то нет деятельности полностью бескультурной или бездуховной. Даже сон и физиологические отправления у человека производятся в окультуренной форме. Все люди думают, производят мысли (порой даже сколько-нибудь оригинальные) — это духовное производство, и комбинируют различные предметы культуры, получая из них новые предметы культуры, — это культурное производство. Авторы подобных определений интеллектуалов подразумевают результаты деятельности, обладающие достаточной новизной и социальной значимостью. Но тогда возникает проблема, аналогичная проблеме деконтекстуализированных идей: чем будет определяться значимость

этих результатов, чтобы ее творцов считать интеллектуалами? Следовательно, отталкиваться при определении интеллектуалов от умственной, духовной, культурной деятельности — подход слишком расплывчатый ввиду того, что всякая деятельность человека является в какой-то мере и умственной, и духовной, и культурной. Однако идея отталкиваться от специфического вида деятельности представляется правильной и еще будет рассмотрена.

3. Интеллектуалами могут называть людей, обладающих некоторыми социально-психологическими качествами. Например, способностями («умом» — в обыденной речи), обширными знаниями, образованием, воспитанием, склонностью все время чему-то учиться, много читать и т. д. Этот подход следует признать также неудовлетворительным, поскольку человек может сколько угодно обладать одним из этих качеств или ими всеми одновременно, но если он не участвует в какой-либо достаточно продолжительной систематической целенаправленной деятельности, не выдает сколько-либо нового и общезначимого результата, то вряд ли стоит включать его в сообщество интеллектуалов и изучать его эпизодические достижения — прочитал новую книгу, выучил новый язык, оригинально сострил в обществе собутыльников — в качестве событий интеллектуальной истории.

Итак, различные обыденные представления, которые были реконструированы выше, недостаточны для научного дискурса об интеллектуалах, хотя все они содержат некие адекватные положения. Если бы не возникновение и бурное развитие интеллектуальной истории в качестве нового исследовательского направления, то было бы достаточно обыденных интуитивных приблизительных представлений об интеллектуалах. Но так как новая научная дисциплина сложилась, то теперь необходима завершенная когерентная концепция интеллектуальной деятельности, которая бы давала ответы на основные вопросы касательно социальной группы интеллектуалов, а не заставляла коллег в каждом конкретном случае домысливать самим, кто, почему, на каких основаниях входит в это коллективное единство.

Широко понимаемый принцип достаточного основания. Следует отметить, что необходима такая концепция интеллектуальной деятельности, которая бы раскрывала механизм конституирования интеллектуальных сообществ. Автор статьи предполагает, что в качестве такового выступает пятикомпонентная процедура порождения рационального знания, описанная им в предыдущих работах [6, 7]. Структура процедуры была выявлена автором в ходе экспликации когнитивно-коммуникативных предпосылок, делающих возможной долгосрочную рациональную дискуссию, направленную на поиск истинности или нормативной правильности и проводимую посредством

приведения оснований. Процедура задает общую схему аргументативной игры, в которую вступают акторы, искренне заинтересованные в коллективном поиске наилучшим образом обоснованных утверждений, фундированных максимально доступным им в данной ситуации совокупным общечеловеческим опытом. Требования процедуры покоятся на всеобщих прагматических предпосылках, неявно или явно принимаемых и разделяемых всеми, кто вступает в дискуссию с искренней целью достижения истины или нормативной правильности, и в этом трансцендентально-прагматическом качестве он является важнейшим внутренним движущим мотивом рациональной дискуссии, побуждающим коммуницирующих субъектов на следующие действия:

1) напряженный поиск наилучших аргументов в пользу тех или иных утверждений, которые они признают правильными и *свободно* вводят в дискуссию. Эта работа проводится каждым актором на основе всего его совокупного опыта и всей имеющейся в его распоряжении информации;

2) вступление в аргументативную игру с другими индивидами, имеющими свои аргументы по поводу этих утверждений. Под действием взаимной критики участники дискуссии могут модифицировать свои утверждения и аргументы и брать тайм-ауты с целью поиска дополнительных свидетельств;

3) оценку и сравнение силы всех выдвинутых положений (оценка аргументов, оценка степени подтверждения утверждений аргументами, оценка утверждений в свете релевантных аргументов) в ходе коллективного открытого обсуждения, к которому допускаются все компетентные и заинтересованные в данной области субъекты;

4) принятие коллективного решения по поводу того, какие из обсуждаемых утверждений и в каких формулировках будут приняты, а какие — отклонены. Такое принятие означает признание социальной значимости знания, консенсус по поводу принимаемых положений — критерий их социальной значимости;

5) органичное включение принятых утверждений в наличный фонд знания с возможной корректировкой как новых, так и принятых ранее компонентов знания, чтобы новые утверждения вписались когерентным образом в имеющуюся систему знания (иногда принятие новых утверждений вызывает коренную перестройку последней) [6, 7].

Знание, систематически получаемое посредством такой долгосрочной циклической самокорректирующейся процедуры, автор статьи предлагает называть рациональным (отсюда — *процедурная концепция рациональности*). Представленную выше пятикомпонентную процедуру автор именует *широко понимаемым принципом достаточного основания*. «Широко понимаемый» — чтобы у читателя

не возникло ошибочное мнение, что имеется в виду какой-то конкретный закон формальной логики. «Принцип достаточного основания» — потому что, по мнению автора, в сообществе разумных существ, искренне стремящихся достичь истину или нормативную правильность, в данное время нет и не может быть другого достаточного основания для принятия или отвержения какого-либо утверждения. В множестве аргументов участников дискуссии заключены все известные им и имеющие отношение к делу эмпирические, логические, апеллирующие к эвристичности, простоте, красоте, надежному методу получения, здравому смыслу, хорошо проверенной временем традиции и все прочие возможные свидетельства в пользу рассматриваемого утверждения [6, 7]. Следует отметить, что приведенная схема является, с одной стороны, идеальным типом, репрезентирующим смысл рациональной дискуссии как таковой, а с другой — в силу своей трансцендентально-прагматической природы — аттрактором, к которому стремятся реальные эмпирические системы взаимодействия между компетентными субъектами, заинтересованными в достижении действенных утверждений. Степень соответствия реальных долговременных дискуссий этой схеме определяет степень рациональности получаемого в ходе них знания. Те социальные системы, взаимодействия в которых втягиваются в воронку данного аттрактора, стремятся соответствовать данному шаблону, начинают воспроизводить этот паттерн в течение достаточно продолжительного времени — являются интеллектуальными системами, а составляющие их субъекты могут быть названы интеллектуалами. *Итак, интеллектуалы — это лица, участвующие в систематическом производстве рационального знания.*

Хорошо коррелирует с представленным выше подходом вывод, к которому пришли С. Паавола, Л. Липпонен и К. Хаккарайнен в результате обстоятельного анализа основных существующих моделей инновационных сообществ знаний: «Создание знаний часто требует длительного времени и не может быть правильно описано традиционными рассказами о героических личностях, совершающих гениальные открытия во внезапно наступившие моменты озарения... Во всех моделях создание знаний — это в основном социальный процесс. Понимание рассматривается как итеративное по своей природе; т. е. оно возникает в результате серии попыток объяснить и понять исследуемые явления. В процессе совместного решения проблем агенты, обладающие частичной, но различной информацией о рассматриваемой проблеме, улучшают свое понимание коллективно посредством социального взаимодействия. Соответственно, новые идеи и инновации возникают между людьми, а не внутри них... инновации или интеллект возникают благодаря системным особенностям всего

сообщества или организации. Создание знаний не является делом творческих личностей, а требует фундаментальной реорганизации практики всего сообщества. Эпистемологические процессы требуют поддержки социальных процессов, и наоборот» [8, с. 563, 564].

Интеллектуалы как элементарная социальная группа. К какому типу коллективного единства относится группировка интеллектуалов? Сорокин дает следующее определение: «Под элементарным или простым коллективным единством я понимаю реальную, а не мнимую совокупность лиц, объединенных в одно взаимодействующее целое каким-либо одним признаком, достаточно ясным и определенным, не сводимым на другие признаки» [5, с. 65]. В случае с интеллектуалами, согласно развиваемому в статье подходу, таким признаком является их целенаправленное и регулярное участие в производстве рационального знания. Членами единого взаимодействующего целого их делает включенность в социальную сеть, обладающую определенными системными свойствами, дающими возможность получать в ее пределах знание в соответствии с широко понимаемым принципом достаточного основания. Разные интеллектуалы могут выполнять различные функции в рамках системного целого: одни могут бескомпромиссно спорить, редко соглашаясь со своими оппонентами, и бесконечно выдумывать новые гипотезы *ad hoc* в пользу своей позиции, другие — проявить склонность к синтезу, компромиссу и обобщениям, третьи — сосредоточить свои усилия на организационной части, обеспечивая разнообразные встречи, подведение промежуточных итогов, публикацию результатов и т. д. Интеллектуалы могут отличаться по формам и периодичности выдачи своего основного интеллектуального продукта. Например, одни время от времени печатаются в газетах, журналах, выкладывают сообщения в Интернете, другие — часто выступают устно на собраниях, третьи — публикуют один фундаментальный трактат раз в десять лет и т. д. Также интеллектуалы отличаются по своим личностным качествам: одни могут быть нелюдимыми и замкнутыми, как Гераклит, редко появляться на людях, сидеть на месте и действовать через печать, учеников и т. д., другие — все время «светиться» на публике, везде разъезжать, выступать, постоянно расширяя свои личные контакты. Следует признать, что наличие обширного ролевого репертуара делает сообщество интеллектуалов более гибким, эффективным, сложным. Интеллектуалы могут разительно отличаться друг от друга по своему амплуа, но, тем не менее, членами одного сообщества их делает то, что все они в принципе знакомы с основными проблемами, последними достижениями, аргументами, существующими в их сфере, и принимают к сведению (учитывают) это все при своей деятельности, регулярно так или иначе взаимодействуя между собой.

Необходимо сделать еще одно важное замечание. Описанная выше пятикомпонентная процедура производства рационального знания воспроизводится в интеллектуальной деятельности одновременно на двух основных уровнях — на социальном уровне, безусловно первичном, где идут реальные споры между людьми, но также затем и на индивидуальном уровне «внутренних дискуссий» отдельного интеллектуала, разворачивающихся внутри его сознания. Таким образом, даже оставшись в одиночестве, интеллектуал воспроизводит в своем мышлении в общих чертах данную модель — это важнейшая черта интеллектуальной ментальности. Например, начиная написание научной статьи, автор мучительно подбирает все возможные аргументы за или против тех или иных позиций в проблеме, которой посвящена его статья, опираясь на все свои знания в этой области. Затем ему приходит первичное решение проблемы. Развивая его в своей статье далее, изучая новые материалы по данной теме, приобретая новые аргументы, он постоянно корректирует данное решение, возвращаясь к ранее написанному и что-то в нем переосмысливая. Имея некое общее представление, о чем он будет писать дальше в своей статье, в каждый момент времени автор еще до конца не знает, какова будет в точности его концепция к концу написания статьи. И вот статья написана! Затем она поступает в редакцию какого-либо журнала и таким образом переходит на первичный социальный уровень интеллектуальной обработки. Если опытные интеллектуалы, коими являются редакторы и рецензенты, опираясь на известные им системы аргументов, возможно, сделав ряд замечаний, собственных правок, примут на редсовете решение о том, что статья достойна публикации, она выйдет на еще более высокий уровень интеллектуальной экспертизы — станет достоянием аудитории этого журнала. Если изложенные в статье идеи заинтересуют читателей журнала, то они инкорпорируют эти идеи в свои системы аргументов, будут использовать их в своем мышлении для «внутренних дискуссий» и затем цитировать в других журналах, что-то критикуя, а что-то принимая, — это будет еще более высокий уровень интеллектуальной обработки данной концепции. И наконец, если статья будет переведена на другие языки или ее идеи процитированы в иностранных журналах, то данная концепция может приобрести мировую значимость. Итак, производство рационального знания имеет *фрактальную природу* и сразу разворачивается на многих уровнях — и на индивидуальном, и на различных, постепенно расширяющихся социальных уровнях, но на каждом из них подчиняется описанному в данной статье паттерну.

Интеллектуальные коллективы возникают в тех областях человеческой деятельности, где, во-первых, накапливается достаточно разнообразных сведений и для дальнейшего успешного развития появляется настоятельная необходимость обрабатывать, упорядочивать,

систематизировать эти сведения в рамках неких объединяющих теорий, а во-вторых, складываются социальные условия для такой синтетической работы. Таким образом, интеллектуальные группы возникают там, где на регулярной основе начинает производиться рациональное знание. Приведем примеры интеллектуальных сообществ.

Все действующие, выдающие результат научные сообщества являются интеллектуальными коллективами. Конечно, не все, кто числятся научными сотрудниками, являются интеллектуалами. Например, если пожилой авторитетный академик просто числится для солидности, но реально уже никакой научной работы не делает, то, к сожалению, он выпал из интеллектуальной сети, какие бы достижения у него ни были в прошлом. Или сотрудник лаборатории, основная функция которого протирать мензурки спиртом, тоже не может считаться интеллектуалом, какие бы отличные научные результаты ни выдавала лаборатория.

Одними из первых и самых типичных интеллектуальных сообществ были философские школы Античности, сформировавшиеся из людей, занятых регулярным построением теоретически-рациональной формы мировоззрения. По своему социальному статусу, способу добывания средств к существованию и т. д. они могли быть кем угодно (сравнить Диогена-Собаку, софистов, Платона, Марка Аврелия). Их объединяла не профессия, класс или статус, а участие в общей деятельности и владение общей проблематикой. Еще один пример: в позднюю Античность и Средние века в Европе массово появлялись различные религиозные интеллектуальные группировки, которые в виде многочисленных течений, направлений, сект ожесточенно спорили между собой, а в своей взаимодействующей совокупности породили в результате единое христианское интеллектуальное сообщество, которое даже изобрело такую форму приведения своих положений к общему знаменателю, как Вселенские соборы. Еще примеры интеллектуальных сообществ меньшего масштаба: кружок Мерсенна и французские энциклопедисты эпохи Просвещения. Эти сообщества складывались на стыке многих областей, таких как наука, религия, философия, искусство, ремесла.

В области политики и права складываются многочисленные иерархизированные интеллектуальные сообщества, в которые могут входить, например, профессиональные юристы, различного рода эксперты, депутаты, сенаторы, чиновники разного уровня, представители высшего руководства страны и т. д. Члены таких сообществ регулярно встречаются, выступают, спорят, приходят к каким-то предварительным итогам, публикуют их в своих программных документах, затем, при обнаружении новых обстоятельств, вносят правки в эти программные документы и т. д. В совокупности все эти интеллектуальные

сообщества непрерывно разрабатывают свой главный интеллектуальный продукт, который обобщенно может быть назван сводом законов государства. Как и в случае с научными интеллектуальными коллективами, не каждый, кто числится на соответствующих должностях, может быть назван интеллектуалом, а только тот, кто реально участвует в производстве нового рационального знания. Например, царь, который только номинально сидит на троне, или некомпетентный депутат, который спит на заседаниях и не предлагает никаких продуктивных идей, не являются интеллектуалами. Практикующий юрист, который не входит в интеллектуальную сеть, создающую на регулярной основе новые знания, а только применяет уже имеющиеся знания к частным случаям, также не является интеллектуалом.

Интеллектуальные сообщества складываются в области бизнеса и финансов, например, советы директоров крупных компаний. Они также встречаются, спорят, приглашают, когда нужно, различных экспертов, заказывают институтам и агентствам разные исследования, но, в конечном счете, именно они на основе всей получаемой информации непрерывно разрабатывают свой интеллектуальный продукт, который можно обозначить модным сегодня термином «философия компании». Они изобретают новые потребительские стоимости, бизнес-стратегии, модели управления персоналом, способы коммуникации, финансовые инструменты и т. д.

Интеллектуальные сообщества часто формируются в области искусства. Критики, искусствоведы, сами представители различных искусств могут объединиться вокруг какого-нибудь общего для них интеллектуального проекта. Например, Маяковского и Хлебникова объединял футуризм. Они проводили встречи, читали лекции, писали статьи, подписали футуристические манифесты в альманахах «Пощечина общественному вкусу» (1912) и др. Приведенных примеров интеллектуальных сообществ, кажется, достаточно, но какого рода элементарной социальной группой является группа интеллектуалов и действительно ли она элементарна?

Сорокин выделил такие основные элементарные группы, на которые расслаивается современное население культурных стран, как расовая, половая, возрастная, по семейной принадлежности, по государственной принадлежности, языковая, профессиональная, имущественная, объемно-правовая, территориальная, религиозная, партийная, психоидеологическая [5, с. 88]. Группировка интеллектуалов относится в этой классификации к последней категории. Сорокин так характеризует психоидеологическую группу: «Сходство лиц в интеллектуальном отношении (в объеме и качестве знаний и верований), в чувственно-эмоциональном и в волевом делает их солидарными друг с другом и вызывает единство действия, сходные акции и реакции с их стороны...

Примерами таких коллективов могут служить прежде всего научные и наукообразные общества... научные общества физиков, химиков, ботаников... всевозможные кружки для самообразования, школы и университеты, академии и научные институты, лиги знания и популяризации последнего... ассоциации позитивистов и мистиков, рационалистов и интуитивистов, марксистов и идеалистов. Легко видеть их отличие от предыдущих крупных группировок. Они не сливаются с ними и не покрываются ими» [5, с. 276, 277]. Питирим Александрович, по понятным историческим причинам, не узрел в среде множества психо-идеологических групп самую могущественную ее разновидность — группировку интеллектуалов, которая формируется из людей, регулярно обменивающихся эмоционально заряженными символами, объединяющихся в особые сети, производящие на систематической основе рациональное знание. Группировка интеллектуалов является элементарной, потому что, как было отмечено выше, не может быть получена кумуляцией никаких других элементарных групп, но, в свою очередь, может вступать в кумуляции с другими простыми группами: двойными (интеллектуальные + профессиональные, например, интеллектуалы-юристы), тройными (интеллектуальные + профессиональные + государственные, например, интеллектуалы-депутаты-россияне) и т. д. Пожалуй, наибольшим социологическим средством группировка интеллектуалов обладает с профессиональной, легче всего с ней кумулируется, потому что некоторые профессии обязывают быть интеллектуалом: научный сотрудник, преподаватель вуза (вузы даже рассматривают публикационную активность как критерий приема на работу), депутат.

Группировка интеллектуалов — одна из самых могущественных в плане влияния на историю человечества. Хотя она не является такой распространенной и многочисленной, как, например, семейная или расовая, или языковая группировки (каждый человек планеты входит в эти группы), однако интеллектуальные сообщества всегда хорошо организованы и именно они продуцируют инновации во всех сферах нашей жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Зверева Г.И. Интеллектуальная история в современной России: институты и направления. *Преподаватель XXI век*, 2018, № 4–2, с. 288–302.
- [2] Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории. *Диалог со временем*, 2008, № 25–1, с. 5–11.
- [3] Коллинз Р. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. Новосибирск, Сибирский хронограф, 2002, 1282 с.
- [4] Ивин А.А. *Теория аргументации*. Москва, Гардарики, 2000, 416 с.
- [5] Сорокин П.А. *Система социологии. В 2 т. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов*. Москва, Наука, 1993, 688 с.

- [6] Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Модель вызова Аполлона как средство изучения интеллектуальной истории. *Диалог со временем*, 2020, № 81, с. 49–66.
- [7] Губанов Н.Н., Губанов Н.И. Образование как несущая структура общества знания. *Alma Mater (Вестник высшей школы)*, 2022, № 10, с. 30–38.
- [8] Raavola S., Lipponen L., Hakkarainen K. Models of Innovative Knowledge Communities. *Review of Educational Research*, 2004, vol. 74, no. 4, pp. 557–576.

Статья поступила в редакцию 11.07.2024

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Губанов Н.Н. Кто такие интеллектуалы? *Гуманитарный вестник*, 2024, вып. 4.
EDN [UZCOMC](#)

Губанов Николай Николаевич — д-р филос. наук, профессор кафедры «Философия» МГТУ им. Н.Э. Баумана, профессор кафедры «Гуманитарные науки» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
e-mail: gubanovnn@mail.ru

What are the intellectuals?

© N.N. Gubanov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia
Finance University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, 125167, Russia

The paper analyzes in detail everyday ideas about what intellectuals are and demonstrates their low suitability in the scientific application. It notes that the given everyday understanding contains certain adequate provisions that could be used in scientific explication of the intellectuals as a specific social group. Definition of the intellectuals given by R. Collins, the famous intellectual history researcher, is subjected to critical analysis, its drawbacks are revealed and the perspective is indicated, where it could be further developed and detailed. Author of this paper relies on the rationality procedural concept developed in his previous publications and presents his own definition of the intellectuals as people participating in systematic production of the new rational knowledge. The paper identifies main systemic sociological and cultural characteristics of the intellectual communities as a special kind of the collective unities. It substantiates an original hypothesis about fractal nature of the process of obtaining the new rational knowledge. Historical examples of intellectual communities from various spheres of human activity are given.

Keywords: intellectuals, intellectual communities, rational knowledge, rationality procedural conception, broadly understood principle of sufficient reason.

REFERENCES

- [1] Zvereva G.I. Intellektualnaya istoriya v sovremennoy Rossii: instituty i napravleniya [Intellectual history in modern Russia: institutions and directions]. *Prepodavatel XXI vek — Teacher in the XXI century*, 2018, no. 4–2, pp. 288–302.
- [2] Repina L.P. Konteksty intellektualnoy istorii [Contexts of Intellectual History]. *Dialog so vremenem — Dialogue with Time*, 2008, no. 25–1, pp. 5–11.
- [3] Collins R. *Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change*. Cambridge, Massachusetts, and London, The Belknap Press of Harvard University Press, 2000, 1121 p. [In Russ.: Kollinz R. Sotsiologiya filosofii: globalnaya teoriya intellektualnogo izmeneniya. Novosibirsk, Sibirskiy Khronograf Publ., 2002, 1282 p.].
- [4] Ivin A.A. *Teoriya argumentatsii* [Argumentation Theory]. Moscow, Gardariki Publ., 2000, 416 p.
- [5] Sorokin P.A. *Sistema sotsiologii. T. 2. Sotsialnaya analitika: Uchenie o stroenii slozhnykh sotsialnykh agregatov* [System of Sociology. Vol. 2. Social analytics: The doctrine of the structure of complex social aggregates]. Moscow, Nauka Publ., 1993, 688 p.
- [6] Gubanov N.N., Gubanov N.I. Model vyzova Apollona kak sredstvo izucheniya intellektualnoy istorii [The model of Apollo's challenge as a means of studying intellectual history]. *Dialog so vremenem — Dialogue with Time*, 2022, no. 81, pp. 49–66.
- [7] Gubanov N.N., Gubanov N.I. Obrazovanie kak nesushchaya struktura obshchestva znaniya [Education as a supporting structure of the knowledge society]. *Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly) — Alma Mater (Higher School Herald)*, 2022, no. 10, pp. 30–38.

- [8] Paavola S., Lipponen L., Hakkarainen K. Models of innovative knowledge communities. *Review of Educational Research*, 2004, vol. 74, no. 4, pp. 557–576.

Gubanov N.N., Dr. Sc. (Philos.), Professor, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University; Professor, Department of Humanities, Finance University under the Government of the Russian Federation. e-mail: gubanovnn@mail.ru